

18+

Самсон Траворуб

Мешок чепухи

Самсон Траворуб

Мешок чепухи

«Издательские решения»

Траворуб С.

Мешок чепухи / С. Траворуб — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981511-8

Сборник абсурдных и околоабсурдных миниатюр для ценителей странного.
Кажущаяся беспричинность, особые правила игры — какую соломинку вытянет
читатель из этого мешка?

ISBN 978-5-44-981511-8

© Траворуб С.
© Издательские решения

Содержание

История одного процесса	6
Коварный план Ивана Эдуардовича	8
Пашажирка-5	10
Very good!	11
Классика	12
Творческое происшествие	13
Нигилист	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мешок чепухи

Самсон Траворуб

© Самсон Траворуб, 2020

ISBN 978-5-4498-1511-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История одного процесса

Ко всеобщему удивлению, бабушка оказалась атеисткой. Она дико вскричала, одним прыжком забралась на стол и грозно осклабилась. Святой отец и сын Божий обошли её с двух сторон, и она завертела головой, тыча вилкой то в одну, то в другую сторону. Но разумно ли считать, что сторона может быть той или иной? Вполне вероятно, что никаких сторон вовсе и нет, а есть одна лишь самоуверенность.

Вот и бабка растерялась: вилка, святой отец и Божий сын слились в одно и взяли её в какое-то подобие кольца. Она наугад плюнула, но тут же отхватила по самое «не могу», или, как выражаются иные, получила по щам. Обескураженная, бабка прыгнула со стола на окружающую её парочку, во все стороны бросаясь дряблыми руками, которые пахли старостью и духами сирени.

Самое подходящее время, чтобы рассказать о столе. Это стол.

– Бабка! Не ты нужна нам, а меч! – возопил сын Божий.

– Врёшь! Нет у меня ничего! Я плохая! – села бабушка на песок и заплакала. День плачет, другой плачет – а слёзы всё не кончаются. Тогда кто-то из гостей вышел из-за стола и со словами «балай-балалай!» плеснул ей в лицо рюмку водки. Отец святой и Божий сын переглянулись и молча вышли во двор.

Фрол Гнездович поднялся с солидного стула и торжественно высморкался, после чего начал.

– Дамы и господа! В этот знаменательный день мы собрались здесь, чтобы отметить своё благочестие!

Бабушка-атеистка старательно слизывала с запястий водку с запахом сирени и хитрейшим образом подходила к Фролу Гнездовичу. Тот удивлённо принахался и позвал прислугу, но век на дворе был просвещённый, посему прислуги не было. И сторон тоже. Так что бабка подходила отовсюду, причиняя гостям страшный дискомфорт: кого-то незаметно рвало в салат; Мензура, младшая дочь лейтенанта Ферштейна, родила двойню старшему сыну своему; Алла Николаевна напились и склоняли причастия.

В конце концов, святой отец и Сын божий привели Бога.

– Отстань, – говорит Он, – от людей. Уходи! Я покажу тебе твою судьбу и твою совесть. Ты прозреешь и обретёшь мудрость.

– А ты меня не амманешь? – спросила бабка и подёргала Его за белую шелковистую Бороду.

Засмеялся Бог и взял бабку на колени. Животом вниз положил – и давай развлекаться. Отпускает и молвит:

– Я, бабушка, не обманываю, у меня вот справка есть! – и достаёт из святого отца справку.

Гости в это время пили чай.

– Очень вкусный печаль, сынок! – хвалила Тимофея Марковна.

– Чай, матушка, а не печаль! – басил Фрол, и присутствующие весело и угодливо хлопали указательным пальцем по правому, что называется, соплу.

– Что ты, какой чай в наши годы. – Тимофея Марковна давно потеряла мужа.

Бабка-атеистка прочитала справку, побледнела и раздулась.

– Аххх тыгыгы! – шипела она. – Шшшшшшарлатан!

Замахнулась бабка на Бога, а куда лупить – не знает.

– Не мир пришёл я принести, но меч! – возопил святой отец, за то получил, что называется, по щам от сына Божьего и виновато умолк.

– А правда ли, Аденоида, сегодня прекрасная погода? – конфузливо повысил голос Фрол Гнездович.

– Не могу знать, Фрол Гнездович, я там в жизни не бывала! – страстно прохрипела Аденоида. – У меня муж в госпитале.

– Знаем мы её мужей! – сварливо проскрипел старый диван.

– Уж этот знает! – подхватила юная Мадлен и захихикала, прикрывая рот с достоинством старого слуги.

Аденоида покраснела.

– Да-да, знаем мы этих мужей, хе-хе! – прокричал откуда-то сбоку пройдоха-муж Аденоиды. – Пусть скажет, где была вчера после вечерни!

Мадлен залилась детским смехом и едва не подавилась.

Бабушка-атеистка пыталась попасть вилкой по Богу или хоть по святому отцу, но вышло так себе: сколь ни махала она сухими ручонками, Бога от этого меньше не становилось. Обиделась она и хотела уйти за стол, но не было ни сторон, ни стола, ни самой бабки, ни, тем более, Бога.

Коварный план Ивана Эдуардовича

Мыша чистила над раковиной картошку, когда вдруг всё встало на свои места. Как была, в одних грязных белых трусиках и ножом с картошкой в мокрых руках, она ворвалась в шелестящий детворой и старухами двор, где уже собралась толпа: пожарные, милиция, врачи и зачем-то клоун в зелёном парике. Увидав её, он смутился и убежал обратно в подвал, волоча за собой синий мешок, в котором гремели какие-то банки.

В подвале было сыро и пахло лужами, целыми реками луж. Клоун вошёл в свою клеть, швырнув мешок в угол, и начал разоблачаться. Иван Эдуардович как раз проходил мимо его двери с полным ведром картошки и лопатой. Углядев в одном из погребов след ночной лампы, он удивился. «Надо же», – подумал он. Любопытство, как известно, не пароль, а посему Иван Эдуардович, человек с тремя средне-специальными образованиями, приподзаглянул в клеть клоуна. Тот, наклонившись над чем-то, снимал грим, иногда поднимаясь и глядя в противоположную от ночной лампы сторону.

У Ивана Эдуардовича зашевелились на голове бородавки: когда клоун делал ваткой очередной мазок по лицу, последнего не обнаруживалось, только лишь парик. Затем клоун снял и его, скинул костюм и почесал подбородок, но разглядеть последний жест было бы затруднительно: в клетке словно и не было никого. Никогда. Только ночная лампа перестала, словно сама, работать и утёрла пот со лба, набивая трубку.

Страшные мысли засуетились в голове Ивана Эдуардовича. Он неумело перекрестился, не вынимая из руки ведро, и наскоро засеменял тапочками по каменному полу. Выйдя на яркий свет, безудержно чихнул, да так, что глаза заслезились. Утерев мокрые места под глазами, Иван Эдуардович вдруг заметил с испугом, что на него пялятся двести три пары глаз. На самом деле, двести пять: клоун выбирался из подвала да кот падал с тополя.

Во главе выстроившейся свиньёй толпы стояла Мыша с ножом в руке. А где же картошка? Да вот она, посередине игровой площадки. На турнике, мигом переделанном в эшафот, висит она в петле, детишки кожурой её играют. Её слезинки в ярком свете тают: нет места боле ей на сей земле.

– Что ли дурак? – прорычала Мыша и сделала шаг вперёд. Толпа (милиция с дубинками, пожарные с топориками, врачи со шприцами, бабушки со спицами, ребяшня, обмотавшая вокруг кистей сопли и насыпавшая на них крошеного стекла) шагнула одновременно с ней. Топот оглушил Ивана Эдуардовича и напугал ещё больше.

– Я? – удивительно заикаясь, переспросил он, указывая на себя ведром.

Мыша зычно завизжала в толпу:

– Толпа! Поглядите на этого предателя! – Толпа пошумела. – Что видите вы в руках его? – Толпа пошумела. – Картошка – не зло, это общеизвестно и несомненно. Картошка – это всё! – Она обвела рукой планету, вернулась к застывшему Ивану Эдуардовичу и прошипела:

– Но кожура! – и снова возопила: – Кожура, господа, это моветон! В благоприятном обществе...

Тут меж ней и Иваном Эдуардовичем, человеком с тремя средне-специальными образованиями, шмякнулся, наконец, серый кот. Он грязно выругался заплетающимся языком и пошёл обратно в закусочную, так и не пробравшись в будуары возлюбленной.

– Ладно, – перебила себя Мыша, чем едва не прервала рассказ. – Ты! – указала она остриём ножа на вспотевшего якобы от волнения Ивана Эдуардовича.

– Я! – бодро крикнул он. – Иван Эдуардыч! Того-то года рождения! Там-то там-то! Там-то там-то! Три средне-специальных образования! Не имею! – горькие слёзы потекли из его коричневых очей. – Не состою. Не привлекался... – и заплакал совсем уж навзрыд, после чего

надел ведро на голову и забегал по двору, стуча по нему лопатой и восторженно выкрикивая: – Бон! Бон! Я – тромбон! Бон! Бон! Я – тромбон!

Презрев его, Мыша по запаху повела толпу к подвалу, но у самых ступеней клоун подставил ей ножку, и она упала, страшно изломав лицо. Врачи увезли её на машине. Пожав плечами, разошлись и пожарники с милицией. Клоун вернулся в клетку, и больше его никто не видел. Старушки умерли. Дети подросли и тоже умерли.

Так осуществился коварный план Ивана Эдуардовича.

Пашажирка-5

Как-то раз селёдка поехала на море и забыла купальник. Семён же Яковлевич на море никогда не был. Зато была у него жена. И ещё некрасивая дочка, которая постоянно совала грязную руку то в нос, то в рот, глупая.

Семён Яковлевич бил по обыкновению сначала её. «Порядок, – он говорил, – долженствует во всём находиться». Бездарный поэт написал про Семёна Яковлевича стих в газете. Вот этот стих:

«О, Семён ты, да Семён Яковлевич,
Ты и жену бьёшь свою, и дочку;
И на работу ходишь, и начальство тебя хвалит,
И я вот стих про тебя написал»

Лежит жена Семёна Яковлевича под кроватью и думает: «Вот, был у меня рубль. А если б два было бы? Я бы тогда рупь потратила. И был бы рубль у меня. А если б два было? Я бы тогда рупь потратила. И был бы рубль у меня. А если б два было? Я бы тогда рупь потратила. И был бы рубль у меня. А если б два было? Я бы тогда рупь потратила».

Семён Яковлевич в это время рядом лежат и свеклу сырую ломтиками режут и в рот отправляют.

А на кровати дочка сидит и с каким-то кривоглазым жуликом в карты на раздевание играет. И всегда проигрывает.

– Чего это ты, дочка, проигрываешь? Плохо я тебя воспитал? – рычит из-под кровати Семён Яковлевич, доев свеклу, а жена за его нос держится и плюёт на кровать снизу. Да что уж, он и сам горазд был поплевать.

Схватил тут жулик голую некрасивую девочку и шасть в окно!

«Сонечка! Сонечка!» – это мать её кричит и Семёна Яковлевича жена. Сонечка – это так ласково они называли окно в сад. Мать дочери Семёна Яковлевича, Семён Яковлевич и жена Семёна Яковлевича побежали в сад, а там в куче удобрений город взошёл.

Семён Яковлевич нашёл престижное рабочее место и предложил руку и сердце матери дочери Семёна Яковлевича и даже жене Семёна Яковлевича.

Подрались как-то жена Семёна Яковлевича и мать дочери Семёна Яковлевича.

Very good!

1.

Афанасьев, студент, перешёл дорогу и закурил с закрытыми глазами.

– Нет, нет, мой дорогой, не нужно этого.

– Да ты кем себя возомнила?

– Посмотри на себя! Посмотри на лес! Кем ты стал!

– Гражданка Петрова, вы мне мешаете бросать деревяшечку!

Афанасьев выпучил глаза и остекленел.

– Вот тебе, паршивец Афанасьев! – гражданка Афанасьева в запале ударила Афанасьева грудью по лицу.

Афанасьев понял всё и встал на четвереньки. Гражданка Афанасьева залезла в него ногой и поехала.

– Very good! – снимали шляпу чопорные викторианцы.

2.

Когда Афанасьев почесал корове брюшко, гражданка Афанасьева заплакала.

Гр. Аф.: Так-то ты, паскудник чайник с рюшечками. А я тебя вот таким ещё.

Аф, ст.: Ты мне не того! Не того ты мне!

Гр. Аф.: (вынимая из себя тапочки) Ты мне скажи вот что.

Афан.: (раздеваясь) Я тебе всё скажу. Я тебе всё скажу. Я тебе всё скажу. Я тебе всё скажу.

Гр. Аф.: Ах, вот как? У меня мимоза!

Афанасьев бьёт ремнём по гражданке Афанасьевой.

3.

Гр. Афанасьева целует Афанасьева, тот целует свои руки.

– Федечка! Федечка! Ты там много не ешь!

– Какой я тебе Федечка, сукина мочалка! Не поеду я в твой анпернат!

– Федечка, ну проститьменядурстрашныя!

– Да что ж это делается. Нет, вы видите? Да ты чего ж творишь, шифоньерка!

Гр. Аф. Забралась на макушку судьё и плевала оттуда через трубочку. Судья трясся и басил. Секретарь схватился за люстру и сплёвывал через ухо.

Афанасьев жонглирует сухарями, а секретарь с люстры жрёт.

Гр. Аф.: (творя непристойности) Федечка, ты там меня не забывай!

4.

Афанасьев, студент, ест щи гвоздём и дует в ус.

Классика

Анатолий Степанович – человек очень видный, про него даже фильм сняли. Получил он гонорар и идёт себе домой.

Тем временем Анастасия Семёновна глядит в окно и размышляет о сыре.

«Удивительно, право, как в одном предмете помещается столько отверстий, у меня значительно меньше», – думает она и морщит прекрасный носик.

Наконец, скрипит позади неё дверь, и в комнату тихо входит зубр.

– Зубр! Я так ждала вас! – вскричала Анастас. Семёновна и обняла его двумя ногами.

Тем временем пьяный Анатолий Степ. незаметно путает свой дом с домом Анаст. Семён. и входит.

Анаст. Сем. его не замечает, поскольку влезла головой в зуброву пасть, а Анат. Ст., в свою очередь, не замечает зубра, отчего влазит к нему в зад.

И, значит, Анаст. С. голову в пасти зубра держит, а оттуда пьяный Анат. С. лезет и орет благим матом.

– И—и-и-и-и-и! – завопила А. С. и съела орешек.

Тогда А. С. сделал примечательный жест и вылез из зубра.

– Я, – говорит, – раньше был так себе, но сегодня, – говорит, – стало иначе все: я переродился и человек искусства. И если и есть в мире шары, то уж точно не по мою шалаву!

– А вы интересный собеседник, – говорит А. С., а у самой зуброва слюна с сережечки капает.

– Я, – говорит А. С., – и на гармонике могу.

– Ах как интересно, – говорит А. С. – А у меня есть вот что.

– Сударыня...

– Каково, а?

– Я, право, в замешательстве, такой мильпардон... Что это у вас там, антресоль?

– Вы не виляйте, А. С.

– Так точно! – крикнул Пушкин из дивана.

Творческое происшествие

Одного еврея трахнули по голове поленом и заставили читать стихи. Мы же придерживаемся иных принципов.

Читать стихи должно лишь подобающим тоном. Возьмем, к примеру типичную компанию. Раиса Семёновна, скажем, слов не любит, ее сразу в оборот надобно, а вот Артур Люхин и Дмитрий Никанорович очень их любят, очень любят, очень.

Проснулся однажды Люхин, а в неожиданном месте записка от Раисы Семёновны: «Не ждите, я борозда и бонбоньерка, отправляйтесь в Крым». Люхин будит Дмитрия Никаноровича, а тот, оказывается, лишь прикидывался Дмитрием Никаноровичем, а был Никанором Дмитриевичем, которого все считали погибшим.

Люхин сразу же сказал ему:

– Уж вы, Никанор Дмитриевич, будьте покойны, я немедленно уезжаю в Крым, у меня вот указание есть, – и трясет бумажкой, а та, не будь дурой, обратилась в сказочный золотой якорь.

– Вы, Люхин, прекращайте бороться с судьбой! – воскликнул толстый Никанор Дмитриевич. – Перестаньте немедленно летать!

И впрямь, держится Люхин за якорь и летает.

– Ни за что, – кричит, – не перестану! Мне отседова все видать!

(В комнату входит хор пенсионерок)

Хор (поёт): Милый-милый Люхин-Люхин, ты держись за якорь крепче!

Никанор Дмитриевич Подмосквореченско-Забайкальскородный: Эх, места мне мало!

Люхин (трогает старушек): Ух, Никанор Дмитриевич, держись за якорь!

Никанор Дмитриевич (лупя фальшивых старух): Эка выдумка, сказал тоже!

Хор (поёт): Никанор Дмитриевич, стоило бы вам вынуть эту штуку!

Никанор Дмитриевич (вынимая штуку): Конец.

Нигилист

Нигилист пил за столом чай с маленькими бутербродами, масло которых отрицал. Оглядываясь по сторонам, он обратил внимание на маленькую дверь в стене, которой раньше не замечал. Подойдя к ней поближе, он увидел, что дверь вовсе не маленькая, а, напротив, огромная, просто чудом уместившаяся в стене. Нигилист приоткрыл её, повернув ручку вниз, и на него тут же пахнуло душным запахом сырого мяса и огня. Резко закрыв дверь, тем самым заставив стены дрябло вибрировать, он отошел на шаг.

Дверь явно стала меньше. Нигилист сделал еще шаг назад, и дверь показалась ему уже совершенно крошечной. Он трудно сглотнул и нервно огляделся. Сделав ещё шаг к двери (она увеличилась), он неожиданно, одним движением, повернулся обратно к столу, подметив весьма странную нелепицу.

– Что... – он неразборчиво зашептал себе под нос, широко раскрыв глаза. За столом сидел он сам и жевал оставленный им прежде надкушенным бутерброд.

«Что делать? – проносилось в его голове, – что делать? Знает ли он, что я есть? И есть ли я? А что, если меня нет, и своим обнаружением я... сломаю в с ё?»

Тот, что сидел за столом, зыркнул в его сторону и, неспешно встав со стула, направился к нигилисту, глядя куда-то сквозь него и покачивая головой.

Нигилист застыл, тот же прошел мимо него к двери, приоткрыл ее, заглянул внутрь на две секунды (снова этот ужасный запах!), отпрянул и захлопнул дверь.

Нигилист и тот, из-за стола, стояли рядом; один смотрел на другого, а другой, осмотревшись, снова подошел к двери, но резко, всем телом, развернулся к столу и удивленно открыл рот. Нигилист проследил его взгляд и отступил к стене.

За столом, на низеньком стуле с красной обивкой, восседал паук, двумя лапками замазывая бутерброды в паутину и отправляя их к себе в пасть.

Нигилист и тот, из-за стола, глядели на него, не моргая. У обоих ослабли ноги. Паук чудным движением спрыгнул со стула на пол и, быстро перебирая конечностями, вмиг оказался перед дверью, толкнул её средними лапами, верхними поворачивая ручку.

Комната заполнилась зловонием, но в этот раз к нему примешивался острый запах имбиря. Паук растерянно шагнул вправо-влево и вдруг прошипел:

– Мне, конечно, совестно нарушать это странное молчание, но... господа, не могли бы вы помочь мне с этой дверью? Видите ли, я совершенно не приспособлен к их закрытию, этот процесс обещает быть чрезвычайно долгим. У вас же, как я вижу, есть эти замечательные кисти, к тому же, с противостоящими пальцами. Посему, если вас не затруднит... Вы сами понимаете, каких трудов будет стоять проветривание этой комнаты.

Нигилист и тот, несмотря на оторопь, кивнули головами: была зима, отопление в съемной квартире было никудышное, а окна были чем-то заклеены, чтобы ветер не проникал внутрь. Нигилист ткнул второго нигилиста в плечо, поскольку тот был ближе, и он, по-прежнему не смыкавший удивлённых глаз, взялся за ручку и тихо затворил дверь.

Первый нигилист жестом пригласил всех к столу. Второй нигилист энергично поднял указательный палец вверх и вышел в другую комнату за третьим стулом, откуда тут же вернулся, ещё более изумлённый.

– Представляете, господа, – произнес он почти шёпотом, усаживаясь на принесённый стул, – там, в спальне, из-под кровати доносятся звуки с рынка, что за углом.

– Надеюсь, вы не стали смотреть? – тем же полушёпотом спросил первый нигилист.

– О, нет, что вы! – клокочуще воскликнул паук и издал какие-то странные звуки, сильно напоминающие смех. – Что вы! Конечно же, он не посмотрел – у него были заняты руки! Ведь

я верно предполагаю? – обратился он к наливающему себе в кружку остывающий кипяток второму нигилисту.

– Совершенно верно, господин...

– Господин Денье.

Первый нигилист расхохотался было, но тут же взял себя в руки.

– И вы Денье? А я отчего-то решил, что...

– Вы ошиблись, – холодно отчеканил паук. – И если вы думаете, будто я жаждал здесь оказаться...

– Что за дверью? – тихо и твёрдо спросил второй нигилист. Все замолкли.

– Там ничего нет, – сказал паук. Нигилисты переглянулись. Первый нигилист привстал и навис над столом:

– Из нас троих вы – самый...

– Обернитесь, идиот! На стене ничего нет! Я такой же Денье, как и вы! И такой же, как и вы! – кивнул он на второго нигилиста и заперебирал лапками, будто это были вязальные спицы.

Нигилисты обернулись. Дверь, как и прежде, преспокойно находилась прямо в середине стены и казалась весьма маленькой.

Первый нигилист резко вскочил, большими громкими шагами подошёл к ней и, разворачиваясь, едва не закричал:

– А это, по-вашему... – и умолк. У стола находилось три абсолютно пустых стула. Нигилист обернулся к двери, но и ее не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.